

страна: именно у белорусов сохранился обряд «Дзяды» в наиболее архаичной форме. Очень важно сегодня сохранить не только архаическую форму, но и духовный смысл «Дзядоў» как целостности и нерушимости семьи, моральной ответственности каждого за её сохранение, физическое и нравственное здоровье, что можно определить как сверхсмысл и сверхценность. Если каждый будет искренне ценить «Дзяды» внутри себя, это может дать весомый результат в развитии каждого человека и нации в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ліцьвінка В.Д. Святы і абрады беларусаў. Мінск: Беларусь, 1998.
2. Ракава Л.В. Эвалюцыя традыцый сямейнага выхавання беларусаў у XIX – XX стст. Мінск: Беларуская Навука, 2009.

ЛЮБАНСКИЕ В ЛОШИЦЕ. ЕВСТАФИЙ

LUBANSKIE IN LOSZYCA. EUSTATHIUS

Н.М. Новикова

N.M. Novikova

Минск, Беларусь

Minsk, Belarus

e-mail: dedal39@mail.ru

Реформы 60-70-х годов XIX в. в Российской империи привели к развитию предпринимательства. Этот процесс затронул и помещичьи хозяйства Белорусских земель. Во всей полноте он проявился в Лошицком имении, где внедрение новой системы хозяйствования осуществлял новый владелец – Евстафий Любанский. Опираясь на архивные материалы, автор раскрывает сложный процесс перехода к новой системе хозяйствования, анализирует ее возможности, показывает причины успехов и неудач.

Reforms of the 60-70s of the XIX century in the Russian Empire led to the development of entrepreneurship. This process also affected the landlords of the Belarusian lands. In its entirety, it manifested itself in the Loshitsky estate, where the introduction of a new management system was carried out by a new owner – Evstafiy Lyubansky. Based on archival materials, the author reveals the complex process of transition to a new management system, analyzes its possibilities, shows the reasons for success and failure.

Ключевые слова: Лошица; Любанские; аграрный кризис; винокурение; Минское аграрное общество; товарное производство; усадебный дом.

Keywords: Loshitsa; Lubanskie; agrarian crisis; distilling; Minsk Agrarian Society; commodity production; manor house.

Реформы 60-70-х годов в Российской империи стали шагом к преобразованию феодальной монархии в монархию буржуазную. Развивалось предпринимательство, росли капиталы, совершенствовалось и пе-

ревооружалось производство. А Беларусь после восстания 1863 года переживала времена мрачные, для поляка и белоруса, по свидетельству современников, невыносимые: «Жизнь эта была ради хлеба насущного, без дальнейших стремлений, без надежды на перспективы» [1, с. 62]. Минск стал глухой провинцией, отсталой экономически и культурно. Город, подавленный насилием, не имел никаких культурных учреждений, где можно было бы найти пищу для души и сердца. Никаких научных обществ, библиотек, музеев, кроме клубов, где играли в карты и пили до беспамьтства [2, с. 185-195]. Имена помещиков-католиков были обременены контрибуцией, выборные органы дворянского самоуправления упразднены, а законом от 10 декабря 1865 г. «лицам польского происхождения» запрещалось приобретение имений иначе, нежели по наследству, что открывало дорогу для роста русского помещного землевладения. На Беларусь, стремясь захватить пространство, хлынули ловцы удачи из России. Государственные учреждения, просвещение, печать, церковь – всё работало на придание краю «истинно русского облика».

Сельское хозяйство в западных губерниях оставалось главной отраслью экономики, а важнейшим направлением было производство зерна. Развитие товарно-денежных отношений, увеличение потребностей в сельскохозяйственной продукции на внутреннем и внешнем рынках вызвали у помещиков Беларуси стремление поднимать производительность своих хозяйств, вырабатывать больше товарной продукции. Началась постепенная перестройка помещичьего и крестьянского хозяйства с ориентацией на рынок. Не все помещики сумели сразу перестроить своё хозяйство на новый лад. Многим не хватало навыков и опыта хозяйствования в рыночных условиях, недоставало инвентаря, рабочего скота, удобрений. Часто кризисные имения, отягощённые долгами, закладывались в банках и вскоре продавались. Шляхетское землевладение сокращалось. С 1877 по 1905 год дворяне Беларуси потеряли почти 11 процентов земли [3, с. 312]. Тем не менее, и этот «отсталый край под русской розгой» [4, с. 77] постепенно вступал в период экономического благополучия.

В Минской губернии в конце 80-х годов капиталистическая система хозяйствования стала преобладать. Новые способы ведения сельского хозяйства давали прекрасные результаты, и к 1891 году хлебный рынок страны увеличился более чем в два раза. Ковенщина, имевшая превосходные земли и границу с Восточной Пруссией, лидировала в державе, Минщина ничем ей не уступала [4, с. 106]. Выросли цены на лес, вырос спрос на продукты питания, и в сельском хозяйстве происходили позитивные перемены – оно превращалось в товарное производство.

Прекрасно отлаженное лошицкое хозяйство, благополучно встроенное в рыночные отношения, под рукой Евстафия Прушинского, рачительного и мудрого владельца, переживало самый благоприятный период своей биографии. Но в начале марта 1877 года бездетный восьмидесятилетний Евстафий Станиславович Прушинский, всеми уважаемый предводитель дворян Минской губернии, умер, как сообщили, «от продолжительной и тяжкой болезни» [5, с. 200]. Согласно завещанию, его родовое имение Лошица со всеми принадлежностями отошло племяннику, сыну сестры Станиславы, Ивану Любанскому.

Иван Иванович Любанский, директор виленского земельного банка, принадлежал к разветвлённому роду герба «Гржимала», упомянутого Яном Длугошем в старейшем польском гербовнике XV века. Начало этого герба и его основателя рыцаря Гржималу легенда связывает со временем Леха I, прародителя поляков и (по мнению Яна Длугоша) современника Карла Великого. Герб, представляющий собой щит, на золотом поле которого изображены ворота с тремя башнями и рыцарь с мечом, а над щитом – шлем с перьями, внесен в часть II Гербовника дворянских родов Царства Польского (рис. 1).

Рис. 1. Герб «Гржимала»

Рис. 2. Иван Капиcтpан Любанский

Начало рода Любанских, взявших свою фамилию от деревни Любань Хентинского повета Сандомирского воеводства, теряется в конце XIV столетия. В XVII веке некоторые члены этого семейства «переселились из Малопольши в Литву, где владели значительными имениями в Слонимском повете» [6, с. 370-371]. Но на благосостоянии кое-кого из них события последующих лет отразились не лучшим образом. В последней четверти XVIII века дед нашего героя – Виктор Гржимала-Любанский, владелец имения Дубоя Пинского повета, депутат сейма и

электор короля Станислава Августа, коморник пинский и депутат Трибунала 1775 года, а ещё крайчий 1778 года и обозный пинский 1780 года [7, с. 15], несмотря на обилие «урадов», располагал весьма скромным достатком. В начале 80-х годов он повёл упорную борьбу с Лещинским базилианским монастырём за Овсемировские дворища – фундушевые имения, на право владения которыми у базилиан имелись законные документы. Процесс этот он проиграл и даже был осуждён на трёхмесячное тюремное заключение и уплату в пользу базилиан крупного денежного взыскания, покрыть которое ему было нечем [8, с. 409–416]. Его сыновьям (а их у него с супругой, Анной из Радзивиллов, было двое – Винцент и Ян) рассчитывать на родовое наследство не приходилось, они могли полагаться только на собственные силы.

Младший – Ян, родившийся в 1772 году, в двадцать лет начал борьбу за выживание, поступив на службу «комиссаром граничным и цивильно войсковым» [9, л. 20б–3]. Несмотря на сложную политическую обстановку, чиновная карьера при упорстве и ловкости обещала хорошую перспективу. Сделав ставку на службу в судебном ведомстве, Иван Викторов сын Любанский к 35 годам не только добился значительного карьерного роста, но и повысил свой имущественный ценз приобретением у наследников екатерининского генерала Фёдора Бергмана имения в Вилейском повете, которое назвал Любаново. В 1808 году он подтвердил своё шляхетство, получив определение Виленской выводовой депутации о признании фамилии Любанских в качестве родовой и древней польской шляхты [7, с. 16]. Вскоре новоявленный помещик и титулярный советник Ян Любанский женился, и в 1811 году у него родился сын – Зенон. Однако его планы на благополучную жизнь разрушила война с Наполеоном, супругу он потерял.

Спустя несколько лет, когда утихла горечь утраты, а жизнь после войны стала понемногу налаживаться, сорокашестилетний Ян Любанский, преуспевающий государственный чиновник и солидный землевладелец, снова решил обзавестись семьёй и посватался к молодой дочери минского подкомория Прушинского – Станиславе Тэкле. Надо полагать, вдовая подкоморина, владелица разорённой войной Лошицы, была рада устроить судьбу дочери, несмотря на огромную разницу в возрасте молодых, и 26 февраля 1818 года в Лошице сыграли свадьбу [5, с. 202]. В этом браке у Яна Любанского родился сын Иван Капистран (Канты), будущий наследник Лошицы, которая в то время пребывала в самом жалком состоянии.

Годы, когда Россия увязла в европейских конфликтах, были разрушительными для Беларуси. Война погубила множество жизней, изломила человеческие судьбы, превратила край в руину. После войны нача-

лась трудная борьба за восстановление и выживание, которая усугублялась частыми неурожаями и напряжённостью в обществе России, переживавшей процесс разложения крепостного уклада и формирования капиталистических форм хозяйствования. О жизни Яна Любанского и его семьи в тот период известно не много. Но интересные сведения есть о его двоюродном брате, Викторе Михайловиче, родившемся в 1785 году в деревне Альбрыхтово Минского повета, который был активным участником наполеоновских кампаний. В 1808 г. он сражался в Испании под Саммо-Сьерра, в 1809 г. – в Австрии, в 1810 г. и 1811 г. – снова в Испании, под Альмейдой и Родриго, в 1812 г. – в России, в 1813 г. – в Саксонии, в 1814 г. – во Франции. За боевые заслуги Виктор Любанский получил крест Почётного Легиона и золотой крест *Virtuti Militari* [10, с. 370-371]. Естественно, что человек с таким послужным списком не остался в стороне от восстания 1831 года. Поэтому Минской следственной комиссией «11 января 1832 года» вместе с Протом Прушинским, князем Михалом Радзивиллом и графиней Анной Вонсович он был причислен ко второму разряду государственных преступников с конфискацией *«всякого принадлежащего им имущества»* [11, л. 6–6 об].

А Ян Любанский, предводитель дворян Минского уезда, как сообщает его формулярный список, *«в походах против неприятеля и в сражениях»* не участвовал, *«в штрафах и под судом»* не был. Он благополучно продолжал административную службу, и 1 ноября 1826 года был пожалован чином статского советника. Достигнув пика карьеры и перейдя в разряд высшей номенклатуры, уволился от службы и сосредоточился на заботах о своём имении, которое в условиях распада старого экономического механизма требовало особого внимания. Стремясь к повышению производительности своего хозяйства, к увеличению производства хлеба, он одним из первых в Вилейском повете отказался от традиционного трёхполья, заменив его травосеянием и многопольным севооборотом. Этот факт не остался незамеченным и был упомянут минским губернатором Г.Г. Доппельмайером в отчёте за 1841–1844 годы [12, с. 81].

Старший сын статского советника Любанского, Зенон, высокий голубоглазый блондин, избрал военную карьеру и отправился служить «юнкером в лейб-гвардии Семёновском полку». Младший, Иван Капистран, окончив гимназию в Митаве (ныне город Елгава в Латвии), продолжил образование в Берлинском университете. Но закончить курс ему не пришлось: в связи со смертью родителей он был вынужден прервать обучение и вернуться на родину.

Вступив в права наследования, Иван Любанский-младший стал владельцем *«955 душ крестьян мужеска пола»* в имении Любаново Вилей-

ского уезда и «*в Минском уезде в деревне Колендзичах – 17 душ*» [13, с. 289-290]. Поступив на государственную службу, в 1847 году он был произведён в коллежские регистраторы. Брак с девицей Александрой Осиповной из литовского шляхетского рода Сулистровских герба «Любич» пополнил владения молодого помещика, добавив к ним имение Яхимовщизну в Ошмянском уезде.

Иван и Александра Любанские произвели на свет четверых детей: сыновей Ивана, Евстафия, Александра и дочь Елизавету, но, похоже, сохранить им удалось не всех (старший, Иван, в завещании родителя не упоминается).

Семья жила в Любанове, на Вилейщине. Тем не менее, дворянство Ошмянского уезда в 1852 году выбрало Ивана Ивановича своим предводителем, а в 1872 году он был избран председателем Виленского земельного банка (рис. 2), одновременно возглавляя Виленский торговый банк. Сograждане уважали его за человеколюбие и активную общественную деятельность защитника шляхетской земельной собственности.

В марте 1877 года состояние Любанских увеличилось более чем на треть за счёт присоединения к основным их владениям, расположенным в Вилейском и Ошмянском уездах Виленской губернии, одного из лучших имений Минщины – Лошицы. Но спустя всего семь лет владелец в Лошице сменился.

Ещё в июне 1879 года, приближаясь к шестидесятилетию юбилею, Иван Иванович составил завещание, которым свои имения передавал в пожизненное владение супруге, «*а по наследству в полную собственность в общее владение в равных частях сыновьям ... дворянам Евстафию и Александру Любанским*» [14, л.5–5об]. 29 октября 1884 года Виленский окружной суд его завещание утвердил к исполнению, а через год Евстафий и Александр были утверждены в правах наследства. Общая стоимость землевладения составляла восемьсот тридцать пять тысяч рублей. До 1901 года сыновья Любанского, исполняя волю отца, сохраняли общее владение наследством, хотя жили врозь: младший, Александр, хозяйничал на Виленщине, в Яхимовщизне, старший, Евстафий, обосновался под Минском, в имении двоюродного деда, крестником которого он был и в честь которого был назван.

К хозяйственной деятельности Евстафий готовился основательно, после окончания виленского реального училища продолжил образование в Силезии, в Королевской земледельческой академии города Прúшкава [15, с. 40], поскольку на родине учиться было негде. Высшую сельскохозяйственную школу Беларуси – Горы-Горецкий земледельческий институт – власти закрыли ещё в 1864 году, и «либеральное» правительством Александра II отклоняло все ходатайства об основании в

западных губерниях высшего учебного заведения. А в российских университетах для католиков из Беларуси и Литвы приём на учёбу был ограничен.

Молодой хозяин Лошицы относился к той категории поместного дворянства Беларуси, которая вела преимущественно предпринимательское хозяйство. Эти люди не ограничивались только сельскохозяйственным производством. Вкладывая капиталы в промышленность, они пополняли ряды формировавшейся буржуазии. К 80-м годам XIX века во всех отраслях российской экономики промышленный переворот был завершён и условия для дальнейшего развития капиталистических отношений созданы. Ручная техника уступила место машинному производству, мускульную силу заменил паровой двигатель. Железнодорожный транспорт облегчал сбыт и обращение товаров. Подъём сельского хозяйства ускорился, его развитие стимулировал спрос на сельскохозяйственную продукцию: из общего количества продаваемого хлеба 40% вывозилось за границу. Но в 80-е годы на рынках Западной Европы появился дешёвый высококачественный хлеб из Северной Америки, Аргентины и Австралии, и цены на зерно в западных губерниях России снизились более чем в 2 раза.

Мировой аграрный кризис, продолжавшийся до середины 1890-х годов, ощутили на себе все хозяйства Беларуси, и это заставило их перепрофилироваться. Приоритетными стали винокурение и молочное животноводство. Винокурение обладало наивысшей доходностью среди всех отраслей промышленности, так как производство спирта, который использовался не только для приготовления напитков, но и для множества других целей, приобрело большое торгово-промышленное значение. В 1889 году Россия произвела 33 млн. вёдер спирта и стояла на первом месте в мире. Беларусь же, где винокуренное производство имело чуть ли не в каждом имении, была одним из главных районов винокурения. Здесь действовало 18% всех винокуренных заводов империи, а в Минской губернии, которая занимала второе место в стране по производству спирта, число таких заводов доходило до 200 [1, с. 106]. Крупные помещицы хозяйства увеличивали посевы картофеля – основного сырья для неуклонно возрастающего производства спирта. Зерно и картофель, переработанные в спирт, продавать было значительно выгоднее, а отходы винокурения, шли на корм скоту, способствуя росту поголовья. Особенно быстро росли стада коров: масло и сыр, производимые в белорусских имениях, с удовольствием покупали и в Европе, и в России [16, с. 136-140].

Став хозяином Лошицы, Евстафий Любанский вошёл в число крупнейших землевладельцев Минской губернии. Ему принадлежали име-

ния Дуброва Раковской волости Минского уезда с деревнями Адамарин, Гойжево, Эпимахи – 1775 десятин, Лошица под Минском – 2531 десятина и 1900 сажений, десять земельных участков в Минске – 81 десятина на 108 сажений и «особый участок леса, называемый Старжинки, мерою 150 десятин 600 сажений, расположенный в Виленской губернии Вилейского уезда, со всеми к тем имениям принадлежащими фольварками, лесами, водами, жилами и хозяйственными строениями и обзаведениями без всякого остатка» [14, л.5–5об]. На плечи молодого помещика, наследника, преемника и тезки всеми уважаемого члена сообщества – «президента Прушинского», легла серьёзная ответственность. За ним пристально наблюдали, сравнивали с предшественником, оценивали. И двадцатипятилетний помещик, недавно завершивший образование, внимательный к новейшим достижениям науки и производства, с энтузиазмом взялся за дело.

То, что о нём известно, характеризует его как человека активного, трудолюбивого, щедрого и общительного, но простоватого, излишне доверчивого и с замашками сноба. Его почти тридцатилетняя деятельность завершила коренное переустройство имения на капиталистический лад. Он подверг реконструкции лошицкий винокурный завод, построил новую мельницу, основательно перестроил усадебный дом, пополнил число хозяйственно-служебных построек усадьбы двухэтажным флигелем и домиком привратника, наладил в имении производство кирпича. Кроме того, на усадебной земле, которая 2 апреля 1899 г. вошла в черту города, он, следуя требованиям рынка, построил два завода: крахмально-паточный и дрожже-винокурный [17; 18, л.14об, 17об; 19].

Вступив во владение наследством, молодой помещик благодаря своему высокому имущественному цензу (и невзирая на «прописку» в Виленской губернии) [14, л. 2об, 7] был принят в Минское сельскохозяйственное общество. Эта влиятельная и широко известная в России организация, созданная в 1876 году и объединявшая в своём составе зажиточных землевладельцев Минской губернии, была одной из самых эффективных, авторитетных и прогрессивных хозяйственных организаций Российской империи. Хотя целью создания Минского сельскохозяйственного общества была поддержка русских помещиков и дискриминация местных землевладельцев-католиков, однако коренные дворяне губернии своей хозяйственной активностью отодвинули русских помещиков на второй план. А под руководством Эдварда Войниловича и Кароля Чапского Минская организация стала центром литовско-белорусского края. На неё ориентировались сельскохозяйственные общества всех западных губерний.

Сфера хозяйственной деятельности общества была очень разнообразна и постоянно расширялась: заготовка и поставка зерна и леса, налаживание торговых отношений и сбыт продукции, доставка сельскохозяйственных машин, организация и благоустройство минских лошадиных ярмарок. Много внимания уделялось научным исследованиям. Помещики-землевладельцы в своих имениях изучали и опробовали передовые сельскохозяйственные достижения, а результаты наблюдений сообщали на собраниях, дискутировали, обменивались опытом. Эти собрания с обсуждениями и лекциями проводились четыре раза в год и собирали огромную аудиторию.

По мере развития организации создавались секции, которые занимались отдельными вопросами местного хозяйства – агрономией, животноводством, винокурением, лесоводством. В 1894 году при обществе было создано объединение винокурных заводчиков, которое занималось сбытом спирта по монопольным ценам, а спустя два года появилась лесная биржа, созданная для планирования лесного хозяйства и организации лесной торговли, призванная заботиться об интенсивно эксплуатируемых лесах.

Этика Минского аграрного общества требовала от землевладельцев исключительной добросовестности и деловой ответственности, не позволяла никому уклоняться от обязательств и отдавать предпочтение заботе о прибыльности, даже если бы невыполнение договора с уплатой штрафа было заранее предусмотрено в контракте. *«Мы научились себя уважать, беречь хорошее имя организации, члены которой в своих последующих обязательствах и действиях должны были следовать этому»*, – пишет в воспоминаниях Эдвард Войнилович [1, с. 85]. Авторитет Минского аграрного общества в глазах властей и общественности был очень высок.

Евстафий Любанский с его деловой активностью и заинтересованностью в благополучии и процветании поместья вскоре стал хорошо известен в округе. Он входил в совет сельскохозяйственного общества и активно участвовал в работе лесоохранительного комитета. Стремясь испытать себя на разных поприщах, исполнял многочисленные обязанности в различных земских организациях и комитетах, делил время между хозяйственными заботами и общественными обязанностями, деловыми и дружескими встречами, визитами и поездками. Увлекался спортом и охотой. И ежегодно несколько недель проводил в Карлсбаде, на водных *курациях*, которые тогда входили в число обязательных ритуалов состоятельных кругов. Во время одной из таких *кураций*, летом 1889 года, Евстафий сделал предложение Ядвиге, дочери маршалка мозырской шляхты Геронима Кеневича, в имении которого, Дорошевичах

Пинского уезда, он был нередким и желанным гостем. Предложение Евстафия родители девушки приняли с удовольствием, и осенью 1890 года в Дорошевичах сыграли свадьбу. Евстафий увёз молодую жену с Полесья в Лошицу [20, с. 70, 77-78].

Служебные и хозяйственные обязанности отнимали у него много времени, но жизнь в усадьбе, помимо каждодневных трудов, имела множество приятных моментов и не была ни скучной, ни уединённой. Помещичьи усадьбы, хранившие память, традиции и дух предков, были средоточием материальной и духовной шляхетской культуры. Здесь звучали стихи и музыка, устраивались любительские спектакли, собиравшие родных, друзей и соседей. Лошица, расположенная рядом с Минском, не была обделена дружеским вниманием. Все помещики, съезжавшиеся в губернский город, по окончании дел и интересов обычно после полудня заезжали к Любанским. Красивая природа, великолепный пейзажный парк с рекой, множеством цветов и липовой аллеей, тянувшейся через поля от усадебного двора до железной дороги, окружали их удобный, со вкусом обставленный дом с богатой библиотекой и собранием картин, среди которых особо выделялись портреты хозяйки кисти модного на Минщине художника Людомира Яновского [20, с. 291].

Это было добротное имение с хорошей землёй, высокой сельскохозяйственной культурой, двумя мельницами и огромным винокурным заводом. Очаровательный усадебный дом с большой террасой, недавно перестроенный и внешне несколько напоминающий романтическое швейцарское шале, был всегда наполнен гостями. Владелец вложил немало любви и выдумки в коренную реконструкцию скромного дедовского особняка, запечатленного на акварели Ю. Пешки. Дом, построенный предком в 1724 году, не соответствовал амбициям молодого хозяина, был тесен и крайне нуждался в перестройке. Изменения коснулись и его размеров, и планировки.

Старый одноэтажный деревянный особняк на девять покоев, окружавших просторные сени, получил развитие в виде двухэтажного кирпичного корпуса с ризалитами, где разместилась жилая зона. В одноэтажной части здания, которая была отведена для представительских целей, осталось восемь разновеликих помещений, соединенных анфиладной и коридорной связью. Главный вход был решён в виде традиционного белорусского крыльца с покрытием, поддерживаемым десятью тонкими резными колонками. По периметру крыльцо окружил резной парапет. В отделке фасадов было широко использовано дерево – материал, традиционный для строительства Беларуси. Разная высота отдельных частей асимметричного здания, фахверковый декор, оживляющий белые оштукатуренные стены, кровли с переломами и слуховыми окна-

ми придали дому особую декоративность и выразительность. Его антураж превосходно лёг в рамки господствовавшего в тот период в архитектуре и искусстве стиля модерн (рис. 3).

Рис. 3. Усадебный дом в Лошице

Отличительной чертой дома стали его функциональность и практичность, отразившиеся в планировке, которая была подчинена принципам целесообразности, удобства и максимального комфорта, высоко ценимых архитекторами модерна.

Просторный вестибюль в форме неправильного шестигранника и соседствующий с ним большой салон образовали центральное ядро парадных помещений, вокруг которых сгруппировались слева столовая с буфетной, а справа – библиотека, соединенная с цепочкой проходных гостиных, что было очень удобно для приема гостей. Здесь каждый из них мог выбрать себе местечко по вкусу, в то же время всех присутствовавших объединяло общее пространство. Самую большую гостиную, или большой салон, со стороны паркового фасада дополнила широкая терраса с великолепным видом на Свислочь и заречные окрестности, которая существенно увеличивала полезную площадь дома.

Столовая и буфетная, выключенные из вереницы парадных помещений, соседствовали с лестницей, ведущей в цокольный этаж, где располагалась кухня. Так было удобнее сервировать и убирать столы, не беспокоя обитателей дома и их гостей. Кроме того, на кухню и в другие хозяйственные помещения, которые занимали цокольный этаж, можно было попасть прямо со двора – через черный ход, скрытый под маленькой северной верандой.

Длинный, узкий коридор, связанный с вестибюлем и большим салоном, разделил парадные помещения на две зоны – отдыха и питания. С одной его стороны расположились гостиные, с другой – столовая и

примыкающая к ней буфетная с собственным входом. Коридор упирается в лестничный объём. Здесь граница между деревянным зданием первой четверти XVIII века и кирпичным корпусом конца века XIX, между парадными и жилыми помещениями. Стены коридора и лестничного объёма ярким орнаментальным ковром покрыли трафаретные «помпейские росписи», вошедшие в моду ещё в XVIII веке, после обнаружения погибшей Помпеи.

Планировка двухэтажной части дома подчинена желанию создать для его обитателей спокойную интимную обстановку. Лестница с точёными балясинами ведёт вниз, в помещения цоколя, и устремляется на второй этаж, где предположительно располагались апартаменты хозяйки. (Впрочем, назначение покоев не было постоянным и с течением времени могло меняться). Комнаты первого этажа находились в личном пользовании хозяина имения: небольшой кабинет, или канцелярия, и рядом просторный каминный зал – репрезентативное помещение с остроумным эклектичным камином, который был выполнен по немецким образцам в Риге в конце XIX века. Он стал главным украшением интерьера. Зимними днями в нём постоянно горел огонь. В то время каминны завоевали большую популярность. Справедливо считалось, что очарование огня в очаге в дополнение к производству тепла добавляет обстановке дома элегантности и уюта. (Но мода на такие каминны держалась недолго. Вскоре их перестали выпускать, и сегодня сооружение, подобное ложищкому, можно встретить крайне редко, их сохранились единицы).

Кроме репрезентативной функции, камин выполнял ещё и практическую – служил вентилятором, способствуя удалению кухонных запахов из дома, поэтому был расположен в непосредственной близости от спуска на кухню.

Весьма солидное благосостояние Любанских позволило им использовать при оформлении своего жилища многие модные новинки того времени, предлагаемые эклектикой и модерном. Следуя рекомендациям тогдашних специализированных журналов, которые советовали каждое помещение в доме оформлять в своем стиле, владелец, помимо помпейских росписей, отдал предпочтение элементам ренессанса (столовая), английскому стилю (вестибюль), а также самому популярному из всех модных подражательных стилей – второму рококо (гостиные), которому свойственны асимметричность, причудливость, отделка в золотых и пастельных тонах. Не последнюю роль в убранстве дома играли традиционные кафельные печи – пышные рельефные украшения парадных помещений и скромные обогреватели жилых покоев.

Органично вписавшись в ландшафт, обновлённое здание поражало оригинальностью архитектурного решения, его эстетические и утилитарные достоинства высоко оценивали все посетители усадьбы, а её новый владелец внушал уважение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Войнилович Э. Воспоминания. Минск, 2007.
2. Зенкевич Т. Польская литературная жизнь в Минске: в девятнадцатом и начале двадцатого веков (до 1921 г.). Ольштын: Вышш. педагог. шк., 1997.
3. Касцюк М.П., Исаенка У.Ф., Штыхаў Г.В. і інш. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. Ч. 1. Мінск: Беларусь. 1994.
4. Zółtowska J. Inne czasy, inni ludzie. Polska fundacja kulturalna. Londyn, 1998.
5. Минские губернаторы, вице-губернаторы и губернские предводители дворянства (1793–1917): биографический справочник / сост. Ю.Н. Снапковский. Мінск: Беларусь, 2016.
6. Polska encyklopedia szlachecka. T. VII. Warszawa, 1937.
7. Boniecki A. Herbarz polski. T. 15: Liwscy . Łopuscy / ułożyli Adam Boniecki i Artur Reiski. Warszawa, 1912.
8. Акты Виленской археографической комиссии. Т. XII. Акты Главного Литовского Трибунала. Вильна, 1883.
9. Национальный исторический архив Беларуси, ф. 319, оп. 3, д. 224.
10. Polska encyklopedia szlachecka. T. VII. Warszawa, 1937.
11. Национальный исторический архив Беларуси. ф. 292, оп. 2, д. 897.
12. Эканамічная гісторыя Беларусі: Курс лекцый / Пад агул. рэд. В.І. Галубовіча. Мінск: Экаперспектыва, 1993.
13. Jan Kanty Lubański (Wspomnienie pośmiertne) // «Tygodnik Ilustrowany – Przyjaciel Ludu», Warszawa, 1884, nr 97.
14. Национальный исторический архив Беларуси, ф. 319, оп. 2, д. 1896.
15. Государственная Дума первого призыва. Портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. М.: Возрождение, 1906.
16. Бейлькин Х.Ю. Сельскохозяйственный рынок Беларуси 1861-1914 гг. Мінск: Наука и техника, 1989.
17. Национальный исторический архив Беларуси, ф. 299, оп. 5, д. 1359.
18. Национальный исторический архив Беларуси, ф. 311, оп. 1, д. 13.
19. Национальный исторический архив Беларуси, ф. 310, оп. 1, д. 34.
20. Kieniewicz A. Nad Prypecią, dawmo temu... Wspomnienia zamierchłej przeszłości. Wrocław. Warszawa. Kraków. Gdańsk. Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wydawnictwo, 1989.